

КРИТИЧЕСКИЕ РАЗБОРЫ СТАРЫХ ПЕРЕВОДОВ

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

Начнём критический разбор переводов (автор этого перевода и всех дальнейших – И.Железнова) из другого блистательного русского поэта XIX века, к сожалению, мало известного за рубежом, – М. Ю. Лермонтова. Начнём со стихотворения, в котором поэт отвергает все попытки соединить его имя с именем английского современника лорда Байрона и тем самым подчёркивает свою русскую натуру:

Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе расскажет мои думы?
Я – или бог – или никто!

Not Byron – another am I! Like he,
The chosen one from homeland driven,
But nameless wanderer, and given
A Russian soul by destiny,
I'll earlier end, I earlier started,
'Tis little I'll attain... In my
Heart buried, as in some uncharted
Part of the sea, hopes broken lie.
Who can your secrets probe, o clouded
Deep, and the thought that in me dwells
Reveal, and leave it no more shrouded? –
I ... or the Lord, and no one else!..

Тут продолжают очаровательные причуды стиля и организации стиха, с которыми мы познакомились на примерах анализа переводов из Тютчева и Пушкина.

В оригинале есть два термина, которые бросаются в глаза: «неведомый избранник» (строка 2) и «гонимый миром странник» (строка 3). Нам с вами очевидно, что эпитеты, избранные Лермонтовым, содержат важный смысл. А в переводе (строка 3) к «страннику» прицеплен эпитет «безымянный» (“nameless wanderer”), а к «избраннику» (“chosen one”) не применен эпитет вообще, тогда как термин «неведомый» в оригинале может многое прояснить для читателя. Едва ли перетасовка эпитетов добавляет шарма переводу.

В 5-й строке оригинала на первом месте стоит «я раньше начал», и лишь затем говорится, что «кончу ране», а в переводе оба элемента переставлены (сначала «конец», а затем «начало»)… В дальнейших строках мы видим череду «анжамбеманов»: “In my // Heart”, “uncharted // Part”, “o clouded // Deep” – так сказать, три весьма «гонимых странника» на 12 строк. У Лермонтова *таких* «странников» нет вообще…

Отметим ещё два момента. У переводчицы «русская душа» дана Лермонтову «судьбой» (“destiny”), а не папой и мамой…

Второй элемент надуман самой переводчицей – “uncharted Part of the sea”, где «не нанесённая на карту часть моря» (в оригинале «океана») таит груз разбитых надежд. Неплохо бы нанести на карту эту часть моря, а то забудется, обидно!

Займёмся разбором перевода стихотворения, которое поэт посвятил своему сердечному другу Александре Осиповне Россет (в замужестве Смирновой).

А.О. СМИРНОВОЙ

В простосердечии невежды
 Короче знать я вас желал,
 Но эти сладкие надежды
 Теперь я вовсе потерял.
 Без вас – хочу сказать вам много,
 При вас – я слушать вас хочу:
 Но молча вы глядите строго,
 И я, в смущении, молчу!
 Что ж делать? – речью безыскусной
 Ваш ум занять мне не дано...
 Всё это было бы смешно,
 Когда бы не было так грустно.

TO A.O.SMIRNOVA

'Twas artless ignorance that led me
 To strive to know you better... These
 Sweet hopes have I long since surrendered
 My fancy they no longer tease.
 When far from me you are, I yearn to
 Pour out my heart to you; when close
 I dare not speak, for at me sternly
 You gaze and leave me at a loss
 For words... Alas, what use denying! –
 I cannot reach you... All of this
 Could be absurd; it's not: it is
 By far too sad, by far too trying.

Комментировать эту миниатюру можно с конца. В переводе сказано (привожу дословно): «Всё это // Могло бы быть абсурдным, но оно не является таким, – оно // намного более печально, намного более мучительно [раздражающе, докучливо, труднопереносимо]». Не говоря уже о том, что тут пропала почти афористичная лаконичность стиля, смысл переводческих эпитетов намного мрачнее, чем в оригинале. Сравним хотя бы слова «грустно» и «раздражающе», etc. А ведь у Лермонтова это звучит почти игриво и насмешливо.

Мы уже отмечали, что сгущение красок не только не обогащает русскую поэзию (особенно лермонтовскую), но, наоборот, наносит ей прямой вред, и эту картину приходится наблюдать в работе разных мастеров. Надо знать адресатку этого стихотворения – друга и Пушкина, и Жуковского, и Гоголя (здесь кстати вспомнить посвящённые ей шуточные стихи Пушкина: «Черноокая Россети // В самовластной красоте // Все сердца пленила эти, // Те, те, те и те, те, те...»), чтобы понять, что её натура не смирилась бы и с половиной той сгущённости («докучливости»), которую применяет И. Железнова.

Невозможно обойти два перескока, причём первый являет собой нечто «дикое»: “to // Pour out” (дословно «вылить наружу») и “All of this // Could be absurd”. Трудно себе представить, чтобы влюблённый Лермонтов подошёл к красавице Александре Осиповне и сказал бы ей на ушко: «То, что я созерцаю от Вас – абсурдно...».

Нет никаких сомнений, что «черноокая Россети» проявила бы тут все прелести «самовластной красоты»...

Весьма любопытно разобраться в переводе хрестоматийного лермонтовского опуса «И скучно, и грустно...»

И СКУЧНО И ГРУСТНО

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят – все лучшие годы!

Любить... но кого же!.. на время – не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? – там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё там ничтожно...

Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка...

I'M LONELY AND SAD

I'm lonely and sad, and in moments of bitterest pain
Have no one to lean on, alas...
Desires!.. What use to desire without end, without gain,
While all the best years swiftly, fleetingly pass!

To love... Whom?.. If briefly, 'tis not worth the effort... Fore'er?..
Vain longing, since love cannot last.
Look into your heart: joy and torment – all paltry, and there
Remains not a trace of the past.

The passions?.. Sweet ailment that reason will easily cure,
A cold word of logic arrest.
And life – what is life if you look round you coolly? – A poor,
An empty and trivial jest!..

Прежде всего, хочется отметить тот факт, что на фоне разобранных выше переводов Ирины Железновой данный перевод отличается аккуратностью, высокой степенью точности и профессиональным искусством. Однако присмотримся к фактуре этого перевода.

Здесь сделан акцент на личностное «я»: «я одинок и печален, и в моменты горчайшей боли я не имею никого, на кого я могу опереться, Увы...».

Лермонтов же гениально обобщает эту ситуацию, ибо «и скучно, и грустно», очевидно, не только ему, но большинству разумных людей. Кстати, выражение «некому руку подать» – это неизмеримо лиричнее и теплее, чем «опереться на кого-то»...

«Желанья!» В переводе буквально – «что пользы желать без конца, без ...», далее идёт вкравшийся термин “gain”, означающий доход, выручку, прибыль, корысть, барыш, etc. Типичный термин-убийца! В самом деле – чего напрасно желать, если в итоге барыша и выгоды нет?!

«Любовь!» Если коротко, то, естественно, такая любовь не стоит «усилия», а навсегда (“forever”) любить нельзя, ибо, как сказано у переводчицы “love cannot last” («любовь не может длиться»). У Лермонтова коротко и ясно: «вечно любить невозможно» (слово «вечно» было бы очень кстати в переводе...).

Далее в переводе призыв: “Look into your heart”. Почти приказ. А вдруг не захочется слушать приказов?..

Наконец, «страсти». Тут о «сладком недуге» (“Sweet ailment”) говорится в целом правильно. О жизни тоже сказано верно, но слово “jest” в отношении жизни как-то не подходит, потому что в этом есть нечто легковесное и даже легкомысленное; гораздо лучше для английского уха будет звучать слово “joke”. Впрочем, это – замечание вскользь, так же, как и в адрес слова “empty” («пустое» в отношении материального предмета).

Возьмём редкое по лиричности стихотворение Лермонтова:

М. А. ЩЕРБАТОВОЙ

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,

Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.

Как ночи Украины,
В мерцании звёзд незакатных,
Исполнены тайны
Слова её уст ароматных,

Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, её глазки;
Как ветер пустыни,
И нежат и жгут её ласки.

И зреющей сливы
Румянец на щёчках пушистых,
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.

И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на бога
Хранит она детскую веру;

Как племя родное,
У чуждых опоры не просит

TO M.A.SHCHERBATOVA

For the glitter of ballrooms, the chains
Of society, she
Gave up far-off Ukraine and its plains
Stretching boundless and free.

In a cold-hearted world and a vain
And a ruthless she moves,
But her being an imprint retains
Of those warm parts she loves.

Her sweet lips whisper words that seem born
Of Ukraine's fragrant nights,
Of a darkness by garlands adorned
Of mysterious lights.

As transparently blue are her eyes
As the skies of Ukraine;
Her caresses are fiery as
The winds sweeping the plain.

Like two peaches her round cheeks are, they
Draw the eye, and it seems
That amid her fair locks the sun's ray
Playful dances and gleams.

Like her sorrowing homeland, she has,
Her child's heart free of guile,
In the Lord the sweet, innocent faith
And the trust of a child.

Like her people, for help she'll not turn
To an alien, and meet

И в гордом покое
Насмешку и зло переносит;

With proud calm the mob's scorn all unearned,
Its derision and spite.

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

A bold glance will not light in her heart
Passion's wild, hungry flame,
But with love lightly she will not part,
Once her heart it has claimed.

«Продегустируем» элементы версификации, ритма и общей структуры. Во-первых, оригинал имеет женские окончания всех строк, что создаёт мягкость и плавность всего голосоведения. Перевод же выдержан сплошь на мужских окончаниях, – мягкость голоса смазана радикально. Во-вторых:

Оригинал

1-е и 3-и строки имеют ритм
двухстопного амфибрахия:

— I — — I — —

2-я и 4-я строки – ритм
трёхстопного амфибрахия:

— I — — I — — I — —

Перевод

1-е и 3-е строки содержит трёхстопный
анapest:

— — I — — I — — I

2-е и 4-е строки – двухстопный анапест:

— — I — — I

Таким образом, ритм перевода вывернут наизнанку. Картина забавная.

В-третьих, как обычно у Железновой, мы видим ряд знаменитых «анжамбеманов»: “she // Gave up”, “are fiery as // The winds”, “they // Draw”, “she has, // Her child's heart”, “a vain // And a ruthless”.

В-четвёртых, рифмы. Мы видим невооружённым глазом такие: “meet-spite”, “turn-unearned”, “vain-retains”. Если глаз вооружить, появятся и другие.

Наконец, смысловые единицы. “Of a darkness by garlands adorned” (?) – непереводимо...;

“...plains // Stretching boundless and free” – буквально «равнины, простирающиеся беспредельно и свободно». Но этого образа в оригинале нет!

“Like two *peaches*” вместо «зреющей сливы». «Персики», как ни хотелось бы, в оригинале не было.

“Passion's wild, hungry flame” – грубейший оборот по отношению именно к этой женщине («дикое, голодное пламя страсти»), когда Лермонтов всей интонацией стихотворения подчеркивал нежность и мягкость своей героини.

Прочие детали читатель найдёт сам, если захочет.

Рассмотрим перевод гениальной миниатюры, которую Лермонтов посвятил (по мнению комментаторов) этой же женщине – М. Щербатовой.

ОТЧЕГО

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

WHY

I am sad because I am in love with you,
 And well I know: the blight of rumour most untrue
 Will not forbear to mark your blooming youth with sorrow.
 For every hour of joy Fate will exact tomorrow
 A toll of tears and pain that you alone must pay.
 So I am sad, my dearest love, because you are so gay.

Это крошечное стихотворение можно без обиняков назвать трагическим. Лермонтов признаётся в любви женщине, говорит об этом трогательно и, вместе с тем, не видит, каким образом можно уберечь любимую от «коварного гонения молвы».

Перевод, сделанный Эврил Пайман, даже усугубляет положение этой молодой женщины, ибо «слёзы и боль» “you alone must pay” («ты должна оплатить *одна*»). Цветущей молодости придётся встать одной против коварства и гонения молвы...

Мы не знаем, какие психологические и иные силы ополчатся на молодую жизнь, то есть встанут между судьбами гениального русского поэта и дивным молодым существом, которое, как однажды выразился сам Михаил Юрьевич, «ни в сказке сказать, ни пером описать». Если бы загадка была решена, судьба Лермонтова едва ли завершилась бы так, как она завершилась, – Мария не допустила бы такого положения, а в том, что она искренно и горячо любила Михаила, сомневаться не приходится. Так, в мае 1840 года Лермонтов и Щербатова виделись в Москве, где её навестил Александр Иванович Тургенев, записавший 10 мая в своём дневнике: «Сквозь слёзы смеётся. Любит Лермонтова».

Любопытная деталь: в своём переводе Эврил Пайман вставляет в текст (как обращение Лермонтова к любимой женщине) следующее “my dearest love” («моя дражайшая любовь»). Этого обращения к Марии в стихотворении «Отчего» нет. Напророчив женщине «коварное гоненье», поэт устами переводчицы именуется её «моя дражайшая любовь». Угадано верно. Остаётся угадать кое-что у Лермонтова. Это намного труднее. Ясность придёт лет через триста... Ясно одно: если бы “my dearest love” стала реальностью, Лермонтов, возможно, умер бы не 27-летним, а, хотя бы, 72-летним.

Отметим в заключение ещё несколько штрихов из текста перевода, помимо “you alone must pay” и “my dearest love”, так сказать, лежащих целиком на совести переводчицы...

Во 2-й строке стоит комбинация “blight of rumour”, что однозначно не переведёшь. Так, слово “blight” можно трактовать как нечто «портящее удовольствие и разрушающее планы», а, с другой стороны, само по себе это слово означает «упадок, гибель, деградацию»...

В 3-й строке есть глагол “forbear” («воздерживаться»). Глагол сей имеет явно книжный оттенок, так что решайте сами «иметь или не иметь». Есть и ещё коварные моменты, но их трогать не стоит.

В начале 1844 года, через три года после гибели Лермонтова, Мария вышла замуж за И. С. Лутковского, генерала от артиллерии, который впоследствии стал членом Военного совета.

Умерла М. Щербатова в 1879 году, пережив поэта почти на 40 лет...

— * * * —